

Ш. Чуч (Булапешт)

ПИСЬМА ЮРЬЕ ВИХМАННА С УДМУРТСКИХ ЗЕМЕЛЬ

Основной задачей Финно-угорского общества, созданного в Финляндии в 1883 году, явилась – как оно и само считало – организация поездок к Финно-угорским народам России, а также публикация языкового материала, собранного в результате командировок, проведенных по его инициативе и при его финансовой поддержке.

Юрьё Вихманн в 1887 году поступил в Хельсинкский университет, где изучал санскрит, латынь и финно-угорское языкознание. Учебу в университете завершил в 1890 году и в том же году стал членом Финно-угорского общества, а в следующем году Вихманн отправился в первую свою собирательскую поездку, на земли удмуртов. "На своем общем собрании, состоявшемся 16 мая 1891 года, Финно-угорское общество сочло подписанным разрешение (с финансовой поддержкой) на поездку с целью исследования удмуртского языка", – пишет об этом сам Вихманн.

13 июля 1891 года Вихманн отправился в путь. Сперва провел около 6 недель в городе Гатчине под Петербургом, где обучался русскому языку. Отсюда 28 августа поехал дальше. Через Петербург и Москву поездом направился в Нижний Новгород, а оттуда на пароходе 2 сентября добрался до Казани. Здесь продолжил изучение русского языка, одновременно приступил к сбору удмуртского языкового материала с помощью семинариста-удмурта учительской семинарии. С 29 октября 1891 года по 27 марта 1892 года жил в селе Большой Карлыган (удм. Заны) Уржумского уезда Вятской губернии (ныне Маритурекский район Марийской АССР) в семье учителя Кузьмы Андреева, который был одновременно и его информантом.

В этот же период в январе 1892 года он в течение двух недель находился в Бусурман-Можге (с. Можга?) Елабужского уезда.

С 3-го апреля по 6-е июня Вихманн находился в Глазове и его окрестностях. В это же время неделю прожил и в бесермян-

ской деревне Ежово.

Из Глазова направился в Вятку, а оттуда в Казань. Время между 9 июня и 1 июля провел в Казани, оттуда совершил также кратковременную поездку в Елабужский уезд, 7 июля 1892 года вернулся в Хельсинки, и этим самым завершилась его первая большая поездка продолжительностью почти год; из этого времени почти восемь месяцев он провел среди удмуртов.

Часть своих текстовых записей (песни, куриськоны (языческие молитвы) и заговоры) он издал еще в 1893 году (Wichmann 1893a), вторая же часть (пословицы и поговорки, загадки, сказки, легенды и предания) вышли лишь 8 лет спустя (Wichmann 1901a); а удмуртский диалектологический словарь издан только в 1987 году (Wichmann 1987).

О самой поездке и условиях собирания материала отчитывается Вихманн на немецком языке в предисловии к текстовой публикации (Wichmann 1893a: V-XX), а в том же томе журнала JSFOU имеется его отчет на финском языке: Matkakertomus votjakkien maalta ("Отчет о поездке на удмуртские земли" - Wichmann 1893b). Думаю, что последняя работа вполне заслуживает издания и на удмуртском языке. Вихманн свои путевые заметки отправлял также и в финский журнал "Päivälehti" ("Ежедневник"). К сожалению, мне до сих пор не удалось познакомиться с ним.

О своих поездках Вихманн отчитывался и перед своей семьей, точнее перед своей мамой, так как к этому времени отца уже не было в живых. С содержанием его писем к своей семье исследователи смогли познакомиться лишь в 1987 году. В этом году внучка Ю. Вихманна, Ирене Вихманн, опубликовала путевые заметки своего деда и своей бабушки, Кюлие Вихманн - Matkamüistinpanoja. Yrjö ja Julie Wichmannin kirjeitä ja päiväkirjamerkintöjä tutkimusmatkoilta 1896-1906 ("Путевые заметки. Письма и дневники Юрьё Вихманна и Кюлие Вихманн об их исследовательских поездках 1891-1906 гг.") // MSFOU 195. - Helsinki, 1987). Интересующая нас часть этого тома содержит II писем Вихманна периода 1891-1892 гг. и 4 более коротких письма, написанных в 1894 году о поездке на удмуртские земли.

Разумеется, свои письма Вихманн первоначально не предназначал для опубликования, поэтому в них так много личного. Конеч-

но, и личные заметки небезынтересны, ибо с их помощью можно со-
здать представление о личности Вихманна. Тем не менее в этой
своей статье я представляю скорее те отрывки из писем, в которых
Вихманн пишет об удмуртской земле, об удмуртах и об условиях
собирательской работы.

Первые два письма 1891 года Вихманн отправил из Гатчины
19 июля и 22 августа.

Третье письмо датируется уже Казанью, 4 сентября 1891 го-
да. В нем он сообщает о своем прибытии, о городе Казани и о
своей домашней хозяйке, финке по происхождению.

В четвертом письме пишет о своей встрече с профессорами
Н.И.Ильминским и И.Н.Смирновым: "Побывал я у профессоров Иль-
минского и Смирнова. У первого даже дважды. И. является дирек-
тором учительской семинарии, где обучаются лишь удмурты, мари-
йцы, татары и т.д. (они впоследствии сами станут учителями на
своей родине). Таким образом он хорошо знает отношения между
(выше) упомянутыми народами. Он был сопровождающим тех финнов,
которые приезжали сюда для изучения родственных народов. Один
из учеников-удмуртов Ильминского будет моим учителем в усвоении
основ удмуртского языка. Смирнов, который изучал историю этих
народов и не раз бывал в их деревнях, хорошо знает эту терри-
торию и дал мне много ценных советов. Оба оказали мне самую
дружескую помощь и словами, и делами. Ильминский уже пожилой
человек (около 70 лет), но веселый и живой. Смирнов - мужчина
средних лет; возможно (по словам Ильминского), мариец по проис-
хождению" (MSFOu 115: 13).

Последнее казанское письмо (пятое) Вихманн написал 14 ок-
тября 1891 года, а следующее письмо (шестое по порядку) уже от-
правил из Карлыгана 3 ноября. В этом более пространным письме
описывает свою поездку в Карлыган, представляет - даже в виде
рисунка - головной убор удмуртских женщин; рассказывает также
о своей домашней хозяйке, об их помощи, о будущем своем друге
Кузьме Андрееве. Вот несколько выдержек из этого письма:

"Как я написал уже и в открытке, дорога сюда была очень
трудная. 124 версты на телеге, 20 верст на саях, всего, таким
образом, 144 версты (по меньшей мере $14\frac{1}{2}$ мили). 94 версты по
тракту, а остальное - по различным проселочным дорогам. Ямщиком

были то русский, то татарин, то удмурт. Поездка из-за плохой дороги длилась два с половиной дня. Вторую ночь провел в удмуртском доме, у старосты одной удмуртской деревни. Изба была низкой и маленькой. В нем жили дед, бабушка, молодая супружеская пара с детьми и еще одна девушка-удмуртка. Здесь имел случай увидеть красивую одежду удмуртских женщин...

...Это удмуртский миссионер среди здешних удмуртов и одновременно учитель удмуртской сельской школы. Зовут Кузьма Андреев. Его уже в детском возрасте окрестили, но, подобно большинству крещеных удмуртов, был "язычником" по меньшей мере до 20 лет. Тогда "покаялся" и принялся обучать и направлять на путь истины своих (удмуртских) братьев и сестер. Поскольку был богатым, на свои средства построил школу и теперь уже восемь лет является учителем удмуртских детей (в настоящее время у него 50 учеников). Два года тому назад получил себе в помощь выпускника учительской семинарии. Он сам ни в какую школу не ходил. Сам научился читать, писать, считать и т.д. Человек исключительно острого ума. Кроме того, обходительный и приветливый.

Живет патриархально вместе с пятью братьями, с пожилыми отцом и матерью... По удмуртскому обычаю, старший брат является хозяином. Однако он не принимает никакого важного решения, не посоветовавшись с братьями. Каждый из его братьев - молодой, статный, действительно красивый мужчина. Кузьма самый старший, ему приблизительно 35 лет. И жены их также не дурны. У всех смуглая кожа. Следовательно, в такой семье я и устроился. Кузьма принял меня весьма дружелюбно и старался делать жизнь мою удобной настолько, сколько это было возможно... Еда у меня та же самая, что и у них: хлеб, чай, мясной суп, каша. Молока нет, масла нет. Когда пью чай, хлеб мажу, вместо масла, домашним медом. Мое счастье, что я получил квартиру в такой зажиточной семье, у которой имеется хлеб предыдущего, истекшего, года. Многие бедные семьи уже просят милостыню (из-за неурожая этого года). По характеру удмурты здесь очень похожи на финнов. Немногословные, серьезные, усердные, религиозные (будь они язычниками или христианами).

Во многих удмуртских семьях был я в гостях вместе с Кузьмой. Всюду принимали весьма благожелательно. Гости тотчас же

потчуют (хозяйка дома) несколькими стаканами медовухи (мусыр), а затем пьют чаем, который потребляют с хлебом, молоком (вместо сливок) и медом. В удмуртском доме на столе всегда находятся нож и хлеб, от которого каждый (даже гость) может отрезать ломоть и поесть в любое время".

Следующее (седьмое) письмо написано 5 декабря. Вихманн сообщает о начале работы, о жизни и обычаях удмуртов:

"Поживаю здесь спокойно, работа - по моему мнению - идет хорошо. Наконец, занимался изучением удмуртского языка. Это, естественно, весьма необходимо, если желаю достичь соответствующих результатов в поездке. Однако наряду с этим собрал уже значительное количество произведений удмуртской народной поэзии: песен, стихов, сказок, пословиц, загадок и т.д. Сельчане очень дружелюбны, в особенности молодежь. На их вечерних посиделках являюсь радушно принятым гостем. На этих посиделках долгими зимними вечерами развлекаются рукоделием, девушки - возле самопрялки, парни - плетением лаптей, пением, рассказыванием анекдотов и т.д. Был я и на нескольких удмуртских народных гуляньях, между прочим на одном жертвоприношении, где и я плотно наелся мяса жертвенного животного, старой клячи, и в полночь вместе с ними отнес кости зарезанной лошади на языческое кладбище, в двадцатиградусный мороз. Коня жертвуют в честь покойного отца, который находится там, в царстве мертвых, без коня и сердится на сына за то, что о коне ни слуху ни духу, хотя ждет уже его 20 лет (умер 20 лет тому назад). Теперь ему уже будет весело кататься на том свете верхом; клали туда и узду (наматывали на череп жертвенного коня), сверх того немного водки, мяса, каши и одну копейку, чтобы он не был там слишком бедным. Как видите, я заслужил доверие сельчан, что подпустили даже к жертвоприношению. От русских чиновников все это утаивают.

Теперь хотелось бы вкратце ответить на вопросы мамы. Об этом впоследствии дома расскажу подробнее. Что касается, в первую очередь, о способе застройки удмуртов, она - по крайней мере в этой местности - имеет русский тип. Живут в плотно застроенных деревнях, подобно русским: строения стоят по обеим сторонам улицы. Части строения: жилой дом, хлев, клетки и куала, т.е.

домашнее святилище удмуртов (где совершают жертвоприношения семейному и родовому божеству). Старые курные избы очень редки, в этой округе вообще их нет. Держат тех же самых домашних животных, что и русские. Здесь, следовательно, не ездят на санях, куда впрягают оленей (их используют северные соседи удмуртов - коми), обычно на санях с конной тягой. Хотя местожительство удмуртов находится южнее Финляндии, однако зимой здесь холоднее, чем там (летом теплее; "континентальный" климат).

Главное занятие удмуртов - земледелие и пчеловодство. Зимой многие - например, даже в этом селе - занимаются столярным и токарным делом, некоторые из них большие мастера. Зимнее занятие женщин - прядение (думаю, прядут коноплю). Затем, конечно, сами же ткут пряжу. Другого рукоделия не заметил у них. Самопрялка здесь новинка, первая самопрялка появилась здесь 20 лет тому назад. Во многих местах используют веретено...

Как мне помнится, в последнем письме я сообщил свое меню. Основная моя пища - хлеб и чай. Раз в день суп, как всегда, с мясом и картофелем. Масло и молоко невозможно достать, так как в это время года коровы из-за недостаточного корма не дают молока... Вместо сливочного масла используют конопляное, которое в качестве особого деликатеса примешивают ко всему. Я не привык к этим приправленным конопляным маслом блюдам, ем их лишь чуть-чуть. Очень вкусен компот из меда и конопляных семян, это и я ем с удовольствием.

В настоящее время большая нужда в этой местности. Нищие бродят каждый день. Жители этого села богаче, чем в других деревнях, здесь не было настоящей нищеты. Но в соседних деревнях огромная нужда".

В восьмом письме (Карлыган, 24 февраля 1892 г.) Вихманн кратко отчитывается о поездке в Бусурман-Можгу: "И здесь были сильные бураны и жестокие морозы, такие, о которых удмурты и не помнят. И я не видел еще такой суровой зимы. В Бусурман-Можгу ездил в период буранов и трескучих морозов".

Девятое и десятое письма написал уже из Глазова (14 и 30 апреля 1892 г.). Вот несколько цитат из этих двух коротких писем: "Местность, по которой я проезжал, напоминает лесистую, болотистую Похьянмаа. Несколько дней стояла очень хорошая пого-

да, в течение двух дней лил дождь, а два последних дня был снежный буран и ударил мороз. Хотя Глазов находится не очень далеко на севере, однако здесь очень много снега и довольно холодно... Впрочем, здесь на севере голодают меньше, чем на юге губернии... Удмурты сейчас живут лучше, чем русские; удмурты в хорошие годы экономят, русские нет..."

"Отсюда из Глазова больше писать не о чем, кроме как о том, что удмуртским языком занимаюсь с утра до вечера. В общей сложности провел в деревнях 3-4 недели".

Одиннадцатое письмо датируется Верх.-Парзинском (10 мая 1892 г.). Интерес представляет портрет местного попа: "Как заметили, из Глазова отправился в провинцию. Церковное село Верх.-Парзинское (по-удмуртски чебаршур "красивая река") расположено южнее города Глазова примерно в трех милях. В особенности потому устроился в этой деревне, что здесь живет поп Мышкин (отец Петр), кто хорошо знает язык и обычаи удмуртов. Около 30 лет является здесь духовным пастырем и пользуется полным доверием удмуртов. Отец Петр - седой, высокий, красивый старый человек 70 лет; весьма любезный мужчина. По-дружески принял и раздобыл для меня очень хорошую квартиру... В этом доме я являюсь единственным хозяином, мой работник - 50-летний удмурт, старый солдат Николаевского времени, которого Петр заказал из соседней деревни. Этот мужчина, звать его Федот, моя "домашняя работница": покупает продукты питания, варит, жарит, убирается в квартире, устраивает мои дела и он же мой "переводчик", т.е. учитель в моих удмуртских студиях. Как старый солдат, очень исполнительен в любой работе и вмиг выполняет мои поручения..."

Вихманн и в 1894 году был на удмуртской земле; правда, в этот раз провел здесь лишь 2 месяца. В период этой поездки отправил четыре письма родной матери. Два первых написал в д. Большой Качак 23 июня и соответственно 13 июля. Вот несколько наиболее интересных отрывков об удмуртах, об их праздниках, обычаях и собирательской работе: "Все здешние удмурты чистые, некрещенные язычники. Вскоре здесь будут два праздника жертвоприношений, на которые соберутся люди из 25 удмуртских деревень, следовательно, несколько сотен человек. Попробую со своим аппаратом сделать фотографии о ходе жертвоприношения, если позво-

лят. Мой информант – удмурт, который посещал школу и является сельским учителем”.

“В словарной работе оказали помощь сельский старшина и староста... Оба – как и остальные живущие здесь удмурты – некрещеные язычники; плохо знают русский язык, так что порою трудно понять, что хотят сказать, когда пытаются объяснить значение отдельных редких слов. Принял я участие на обоих праздниках жертвоприношения. С удовольствием разрешили присутствовать, ибо сочли, что меня направил сюда царь. Сфотографировал и моления, когда жрецы в белых одеяниях (пятеро) молились и население четырех деревень (следовательно, сотни) стояло на коленях. Один из праздников длился четыре дня. Тогда удмурты развлекались от чистого сердца: молодежь с исполнением удмуртских танцев ходила из дома в дом, устраивала соревнования по бегу и конским скачкам, а также соревнования по борьбе и т.д. На другом молении в липовой роще принесли в жертву злому духу, вызывающему болезни, жеребенка. На этом жертвоприношении приняли участие лишь мужчины деревни (женщины нет). Во внутрь ограды входил лишь жрец, остальные оставались за оградой. Кости лошади развешивали на деревьях. Небольшую часть мяса получил злой дух, а остальную (большую) поел народ. Погода была холодная и дождливая, потому не смог сделать снимки. Сегодня, несколько часов спустя, принесут в жертву этому же самому злому духу барана. Поскольку стоит хорошая погода, надеюсь сделать фотографии. Вначале некоторые, в особенности женщины, боялись моего фотоаппарата. Когда в первый раз захотел сфотографировать удмуртских девушек, весьма трудно было уговорить их. Пришлось их задержать и строго сказать: “Стой здесь!”, так только и повиновались... Здешние удмурты имеют другой характер, нежели северные: более грубые, более жесткие, но вместе с тем более живые. На них оказали влияние их соседи – татары-магометане и башкиры. Множество удмуртских деревень полностью отатарилось и впало в магометанство. Эта местность и в остальном отличается от вятской провинции; эта уже несколько напоминает юг. Часто видны магометанские мечети, земля хорошо возделывается и плодородная; зима такая же жестокая и холодная, но лето жаркое. В Бирске часто можно видеть киргизов на верблюдах, они покупают зерно и соль”.

Третье короткое письмо он написал в Вавоже (1 августа 1894 г.) и вкратце сообщает о посещении Ижевска: "Из пароходной пристани Гольяны, расположенной на берегу Камы, поехал на четыре мили в глубь территории в сторону большого Ижевского завода. Вокруг оружейного завода образовался большой поселок, или скорее город, который имеет в настоящее время 30 тысяч жителей. У завода однако нет статуса города. Поселок очень красивый: расположен на высоком берегу огромного пруда. Имеет поджоины церквей, даже лютеранскую (на заводе много немецких инженеров и рабочих)".

В четвертом и последнем письме (Казань, 17 августа 1894 г.) Вихманн пишет о том, что навестил своего друга Кузьму: "После того как отправился из Вавожа, посетил еще раз Уржумский уезд, чтобы встретиться со своим старым другом Кузьмой в Карлыгане. В селе выстроили новую большую школу (школу используют и в качестве церкви), место очень красивое, на берегу реки. Из Кузьмы может получиться и поп, если (как предполагают) Карлыган станет отдельным церковным приходом. Была огромная радость увидеть своих старых удмуртских друзей, которые тепло и радушно приняли меня".

Полагаю, что приведенные отрывки недвумысленно доказывают, что было бы весьма уместно издать письма Вихманна и на удмуртском языке, и современная удмуртская молодежь почерпнула бы из них много поучительного.

Перевод с венгерского В.К.Кельмакова